

БУНИН. ПОЭТ ИМПЕРИИ¹

В. М. ТОЛМАЧЁВ

В выступлении перед студентами университета Сан-Пауло, посвященном 70-летию вручения И.А.Бунину Нобелевской премии, профессор В.М.Толмачёв касается творческой судьбы писателя, которая рассматривается им в контексте имперского начала. Имперское у Бунина — характеристика культурологическая (основа национальной идентичности даже в эмиграции), психологическая, религиозная, а также собственно творческая (совокупность художественных мотивов в романе «Жизнь Арсеньева»).

На фоне XX в. бунинская *idea* стала яснее по сравнению с 1933-м и с 1953-м² гг. Попробуем кратко описать ее, скорее, через душевный облик писателя, чем через написанное им. Думается, такой подход возможен, потому его лучшие вещи вбирают в себя некую архетипическую сумму русскости, русского взгляда на мир.

Но, зададим себе вопрос, какой русскости? И надо прямо на него ответить. Той русскости, которой уже нет, которой физически давно уже, с 1917 г., нет, но которая — в том числе благодаря Бунину — не становится музейным прошлым. Эта старая — или вечная уже? — Россия по-прежнему является «другим я» многих русских людей, а также привлекает к себе иностранцев, инстинктивно находящих в русской идее черты не только особого национального колорита, но и мирового смысла.

Этот смысл в XX в. безусловно трагичен. Бунин вынужден был в конце Гражданской войны, как и миллионы его соотечественников, эмигрировать, пережил утрату родины. Ей была необъятная Империя, полная, как, наверно, и любая подлинная империя социальных противоречий, но в то же время отмеченная действием центростремительной силы, которая перемешивала все, влекла провинциала не только к классицистически строгому Петербургу, аляповато купеческой Москве, но и к европейским столицам, Палестине, Цейлону, Северной Африке. Бунин был писателем великой империи в самых разных смыслах.

И как литературный переводчик, создавший русских Байрона («Каин», «Манфред»), Теннисона («Годива»), Лонгфелло («Песнь о Гайавате»), и благодаря своей открытости просторам страны, знанию средней и южной России — как стихии ее мельчайших вещных подробностей быта, палитры голосов, красок природы, благоуханий, так и примет Воронежа, Орла, Курска, Ельца, Полтавы, Ялты, Одессы. Эта легкость в перемещении у Бунина неотрывна от поэзии же-

¹ К 70-летию юбилею вручения И. А. Бунину Нобелевской премии по литературе. Выступление профессора МГУ В. М. Толмачёва в ноябре 2003 г. перед студентами и аспирантами Университета Сан-Пауло (Бразилия).

² Годы вручения Нобелевской премии и смерти писателя.

лезной дороги, встреч и расставаний, попутчиков, обменивающихся рассказами и впечатлениями, наездов в Москву и за границу. Бунин, добавим, с его острым глазом легко имитировал других людей, их манеру речи.

Писателем империи он был и как уездной дворянин, *барин*, родители которого родились еще при крепостном праве. Отсюда врожденные привычки и черты характера: любовь к летней жизни в усадьбе, окруженной полями, охота; вздорность, легко переходящая в гнев и ругань. Бунин склонность к крепким выражениям сохранил на всю жизнь. Здесь также надо назвать его специфическую влюбчивость — несколько вольное, «стивооблонское», отношение господина к ниже стоящей по отношению к нему женщине и желание обсуждать определенные темы только за мужским обедом «без дам».

По-барски Бунин относился и к православию — как бы признавал его бытовую сторону (праздники, ярмарки, куличи и т. п.), моральное и общинное значение для народа, но в то же время как гедонист своего рода страшился смерти, конечности красочной феерии жизни. Он часто говорил на эту тему, искал поддержки в своей неверии у Льва Толстого. Можно сказать, что он был славянофилом, но славянофилом без Бога, а точнее, писателем, признающим на сугубо личном уровне некую божескую животность русской жизни. Видение искр этой внецерковной животности сообщает лучшим вещам Бунина особую лирическую пронзительность, трепет увиденного им и художественно схваченного на грани бытия и небытия. Переживание этих теплых, мимолетных волн жизни, «мистрала бытия» делает Бунина поэтом осколков, мира яркого и ранящего, *новеллистом* по сути своего артистического мировидения.

Наконец, был писателем империи Бунин и по-интеллигентски, как ее социальный критик. Самая знаменитая его дореволюционная вещь, «Деревня», по-передвижнически передает тяготы крестьянской жизни, картину того, как простор, «степь» сменяется «оврагом» и азиатской «рожею».

Но явная приобщенность Бунина уже на исходных позициях его творчества к национальному искусству империи — как сравнительно уже традиционному (Н. Гоголь, Л. Толстой, И. Левитан, музыка «Могучей Кучки»), так и сравнительно новому (А. Куприн, ранний М. Горький, В. Серов, К. Коровин, Ф. Шаляпин, ранний А. Скрябин, С. Рахманинов), «переходному», «импрессионистическому», — немало ему давая, еще не сделала его подлинно национальным писателем.

Словом, Бунин был писателем империи по рождению, по исходной природе своей — зоркого наблюдателя, бытовика. Он, правда, с юности писал стихи и хотел видеть себя, как скажем, и его старший современник, англичанин Томас Харди, прежде всего поэтом, но вынужден был по тем или иным причинам писать прежде всего прозу. И на этом пути Бунин, вольно или невольно отвечая мощному и в своей основе поэтическому вызову русского символизма (который, как «народник», старался не принимать), достиг немало профессионализма (как позже и шедший где-то параллельным путем В. Набоков). Но его стихи — в принципе красивые, правильные, меткие метонимически, были прозаичными по своей природе, описательными.

Революция, Гражданская война, эмиграция стали для Бунина и жизненной, и писательской трагедией. Он, бытовик, остался без страны и неожиданно из

«академика литературы» перешел в разряд писателей «потерянного поколения». Разумеется, Бунин этому сопротивлялся как мог. Исчез его поверхностный социал-критицизм, и он стал яростным антикоммунистом. Об этом говорит его публицистическая книга «Окаянные дни», одна из самых правдивых, и долго замалчиваемых не только в России, но и на Западе, книг о зверствах большевиков в годы Гражданской войны.

Впрочем, Бунин в ярости как «барин» был отходчивым и, когда подходила к концу Вторая мировая война, в патриотическом порыве раздумывал о возвращении на родину. Речь, конечно, шла не о лояльности Сталину и советской, подделно, по-бутафорски имперской, системе ценностей, а о вере в русский народ, вложивший в свою борьбу с фашизмом ненависть не только к Гитлеру, но и к своей нищете, к сталинской коллективизации, индустриализации, расстрелам без суда и следствия. Увидев несколько позже, что эта победа была у русского народа украдена и цинично использована советским режимом для укрепления своих позиций, Бунин отказался от своего намерения.

Сопrotивлялся он утрате своей России и иными способами. Всю жизнь не отказывался от ятей и еров, дореволюционного написания, так в полной мере и не освоил французский, что для писателя, живущего в стихии родного языка, пожалуй, извинительно. Пытался он и сохранить элементы русского быта, превратив в подобие усадьбы скромную виллу Бельведер неподалеку от Канна, которую долгое время снимал. Не оставил он и своей «барской», если не «крепостнической», влюбчивости и эгоизма. В Грассе при семье Бунина с 1927 по 1942 г. жила молодая писательница Галина Кузнецова (1900–1942). В связи с этим нельзя не отметить самоотверженности Веры Николаевны Муромцевой-Буниной, не только «не замечавшей» в этих условиях всего ужаса неприкрытой супружеской измены, но и окружавшей мужа всяческой заботой.

Однако, фатально проиграв в одном, и здесь его можно условно сравнить с М. Прустом, Бунин выиграл в другом и главном для себя. Проза и поэзия в его творчестве неожиданно сплелись, и этот нервный синтез породил такие тонкие вещи, как новелла «Митина любовь» (1925) цикл рассказов «Темные аллеи» (1946) и в особенности роман «Жизнь Арсеньева» (1927–1933, 1952). Другими словами, физическая утрата России привела Бунина к воссозданию им именно в слове «утраченного времени». Однако эта метаморфоза минует постановку вопроса «кто виноват?», других характерных для эмиграции «проклятых» тем. Роман «Жизнь Арсеньева» — вроде бы о частном и на фоне европейских политических коллизий 1920–1930-х гг. способен показаться чуть ли не «Декамероном», «пиром любви во время чумы».

Да, перед читателем частная история, история одной страстной юношеской любви. Она рассказана симультанно, с двух точек зрения одного и того же человека — юноши в дореволюционной России, зрелого мужчины в эмиграции. Однако речь идет не только о любви, ревности, но и пробужденной ими волне творчества. Предел этому току *жизни* поставит лишь небытие. На фоне такого подразумеваемого черного квадрата каждый эпизод юности Арсеньева становится двойным временем — дуализмом любви и смерти, очарования и разочарования, — дуализмом непрестанных, ранивших творческих усилий и радости осу-

ществленного творчества. Возникающий в результате лирический эффект *припоминания* сообщает роману особую лирическую ноту. Лика — Россия, а Арсеньев — «один из нас». Вспоминая об одном, Арсеньев реально раскручивает ленту другого, «времени во времени», моментов остановки жизни и произвольных мерцаний в ней вечности. То есть в Арсеньеве говорит о себе физическая память — нечто материальное (отечество, любовь, жизнь) и, в конечном счете, ветхое. Но параллельно сквозь нее, эту *ветхость* пробивается нечто экзистенциально неопределимое, но вместе с тем лирически достоверное, дрожь отчаянных поисков Бога, которые невозможно подделать, — Отечество, Любовь, Жизнь.

«Это было давно, этого нет и не будет», — звучит с предельным отчаянием у Бунина. «Это в нас, пока мы живы, наша граница времени и вечности», — так возникает контрход, такая же отчаянная надежда.

Именно отрицательное искание Абсолюта придает бунинскому шедевру достоинство высокой поэзии, лирическую глубину, сжатость и, не побоимся сказать, черты религиозного достоинства. Даже в самых страшных обстоятельствах писатель говорит и от своего лица и от языка своей страны, уже в нем сделавшегося художественным образом, — «Я есть», «Россия имеет мировой характер, Россия там, где русский».

В этом, как видится сейчас, и было назначение не только послереволюционного творчества Бунина, но и всей русской эмиграции. Современник Бунина, писатель Дмитрий Мережковский, сформулировал это кредо с большой силой: «Мы не в изгнании, мы в послании».

Надо отдать должное Нобелевскому комитету. В год резкого усиления в СССР массовых репрессий, когда западная либеральная интеллигенция не хотела об этом ничего слышать, верила в социализм, а Гитлер пришел к власти, решение наградить Бунина выглядело символичным. Оно провидчески напомнило миру, что есть две России, две Империи и что кажущееся всеилие одной и полное поражение другой — понятия не вечные.

Ключевые слова: Бунин, Нобелевская премия, империя, религиозность, «Жизнь Арсеньева».

BUNIN. A POET OF EMPIRE

V. M. TOLMACHOFF

In his lecture, delivered at the University of Sao-Paulo and dedicated to the 70th anniversary of getting the Nobel prize by Ivan Bunin, professor Tolmatchoff gives an interpretation of the writer's creative biography in context of the image of Empire. The imperial dimension in Bunin is a culturological (a corner-stone of the national identity even in emigration), psychological, religious as well as a creative characteristic (a system of motives in Bunin's novel «The Life of Arseniev»).

Keywords: Bunin, Nobel prize, empire, religiosity, «The Life of Arseniev».